

Транскокоммуникативный подход как постметодология современной нэотической психологии жизни

**// Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива /
Под ред. А.А. Журавлева, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2007. С. 396 – 427.**

Аннотация: работа посвящена проблеме нерелевантности традиционных подходов к пониманию душевной реальности с точки зрения естественных наук. Трансцендентальность душевной реальности, являясь ее наиболее существенным фактором, требует иного подхода. Предлагается подход, условно названный постметодологическим, в котором феномен и фактор транскокоммуникации рассматривается как возможность нередуктивного понимания души. На этой основе строится схема нэотической психологии.

Я не хотел бы, чтобы эту работу читали студенты, особенно младших курсов, поскольку как преподаватель я учу их строгой методологии. Не освоив, ее они искаженно будут понимать многое, о чем я хотел бы здесь сказать. Почему же я это делаю, зная, что их любопытство естественно и позитивно. Близко к толстовскому «не могу молчать», если до сих пор защищаются диссертации о «психологических механизмах». Это было бы логично для 18-го века, но не для 21-го. Предмет психологии слишком необычен по сравнению с большинством наук. Естественные науки «вещественно» изучают вещество и допускают психологию в качестве науки, изучающей душевную жизнь лишь в качестве свойства высокоорганизованной материи.

Гуманитарные науки рассматривают семиотические, символические, смысловые «продукты» душевной активности как данность (естественно, в чем-то воплощенную). А вопрос об их природе часто молчаливо переадресовывается психологии.

Сама психология, находясь между этими главными сферами научного знания, видимо, уже давно заработала хронический «комплекс неполноценности», от которого, правда, один шаг до мании величия. И то, и другое уже отрефлексировано в современной психологии – комплекс неполноценности предрасполагает к «физикализму», мания величия – к магии. С последним комплексом проще т.к. он легко вытесняется за рамки *научности*; с первым – сложнее. Механицизм неизбежно ориентировал психологию на метод, методологию и технологию. Наука начинается с измерения. Механицизм требует «объективности» и это требование естественно было ассимилировано в качестве требования к методам ранней психологии. Современная наука, осознавшая моделирование как универсальный метод, неизбежно признала фатальность редукции как полезного упрощения. Если модель не проще, или сложнее моделируемой реальности, она теряет

смысл. Конечно, имеется в виду редукция, сохраняющая и акцентирующая существенное. Но, здесь, как правило, камень преткновения и «поле брани» научных школ.

Здесь ключевым является вопрос о качестве научного знания. Некоторые школы (преимущественно в области психофизиологии и бихевиоральных наук) удовлетворяются «метафорой» *объективного знания*, игнорируя стоящую за этим определением почти неразрешимую проблему его *субъективной* сущности. Определенный прогресс наметился при переходе к анализу парадигмального знания, в контексте работ Т. Куна. В этом типе знания «призрак объективности» перестает быть навязчивым в связи с тем, что в относительности и множественности парадигм явно просматривается субъективный фактор. Поэтому закономерным является уже более динамичный переход к личностному знанию, где субъективно-личностное измерение становится определяющим (М. Полани, 1985). Это в свою очередь породило постмодернистский кризис гуманитарных наук, позитивной стороной которого явилась потребность в новом качестве знания более высокого порядка. На этом этапе сама субъективная суть знания нуждается в переосмыслении в принципиально более широком контексте (И. Ильин, 1998). При этом наука неизбежно сталкивается с непривычными и неожиданными качествами знания, связанными с его трансперсональностью, транссубъективностью, трансцендентальностью. На этом этапе нозтическая, духовная компонента знания хорошо осознается не только в области философско-гуманитарных наук, но и наук естественных, принимавшихся ранее за эталон объективности (Ф. Капра, В. Вульф, 1995 и др.). Объективность же приравнивалась к критерию истинности. Психологическое знание также неизбежно трансформировалась в контексте указанных общенаучных тенденций, однако, в силу необычности самого предмета психологического исследования – душевной реальности это обернулось, на мой взгляд, проблемой постметодологии.

Далеко не многие психологи осознали трагичность этой ситуации именно для психологии, имеющей дело с *субъективной реальностью* для которой само моделирование как универсальный научный метод оказывается иррелевантным. Психологи старались следовать требованиям естественнонаучного метода, что привело к созданию тысяч психологических тестов и изобретению изощренного факторного анализа (Ф. Терстоун), уже успешно ассимилированного другими науками. При этом, преодолевая «комплекс интроспекционизма» (в связи с обвинением Огюста Конта) решились редуцировать душевный процесс до поведения (бихевиоризм). Попытка реабилитировать самостоятельность душевной жизни породила соблазнительное для многих «мифотворчество психоанализа», как, видимо, другую крайность. Тем не менее, многие выдающиеся психологи понимали неадекватность и нерелевантность

объективирующей редукции относительно душевной реальности. Поэтому они достаточно смело обращались к древним источникам знания, которые еще не скованы жесткими научными парадигмами, на основе уже современного мировоззрения. Я имею в виду линии развития, прежде всего экзистенциальной и, особенно, трансперсональной психологии – от работ К. Юнга, Р. Ассаджиоли до современных трудов К. Уилбера в духе холистической и Х. Феррера в духе эпистемологической трансперсональной психологии (К. Юнг, 1997; Р. Ассаджиоли, 2002; К. Уилбер, 2004; Х. Феррер, 2004).

В таких работах часто имплицитно начинается пересмотр принципиальных основ психологического исследования и практики. Целостное, нередуктивное понимание душевной жизни возвращается как главная ценность психологической науки – холистическая психология обретает особое значение. Восстанавливается уверенность в возможностях непосредственного понимания живого психологического опыта и непосредственной работы с ним (медитация, управляемое воображение, различные виды рефлексии в альтернативных состояниях сознания). Возвращаются представления о «тонкой» - эйдетической, смысловой, нозтической организации мира и интимной причастности ей человека.

В отношении трансперсональной психологии со стороны академической психологии существуют серьезные претензии в связи с вроде бы легкомысленной ассимиляцией оккультных знаний, начиная с шаманизма... Я абсолютно уверен, что исключительное достоинство научного знания – это стремление к ясности (объяснению, прояснению и т. д.) в сравнении с эзотеричностью других знаний (например, астрологических). В то же время я согласен с трансперсональными психологами в необходимости преодоления методологической редуктивной объективации, не релевантной специфике психологической реальности (Р. Уолш, 1996; Ст.Гроф, 2001; Ван Каам, 1998; Дж. Уайт, 1996).

Я обнаружил *нозтическое направление* в этой пограничной области, существующее не менее трех тысяч лет: от Анаксагора, Платона и неоплатоников до современных представлений о ноосфере П.Т. Шардена и В.И. Вернадского (В.И. Кабрин, 1999, 2000). Важно, что этот луч знания оказался даже выше противопоставления теологического и светского знания. В этом направлении работали богословы, философы (Э. Гуссерль), а также ученые естественнонаучной ориентации (вышеназванные П.Т. Шарден, В.И. Вернадский). Этот «светлый взгляд» (К. Уилбер, 2004) на жизнь Вселенной предполагал существование мирового ума (Анаксагор), его эйдетическую активность (Платон), пробуждающую в человеке «умное делание» (мистическое и святоотеческое христианство), изначальную нозтическую интенциональность сознания (Э. Гуссерль) в

контексте ноосферы как трансперсональной реальности (К. Юнг). Эта реальность характеризуется весьма дифференцированным *спектром альтернативных состояний сознания*, естественным образом преодолевающий примитивную дихотомию психоанализа: сознание - бессознательное (К. Уилбер, 2004; В.И.Кабрин, 1999).

Я с приятным удивлением обнаружил, что давно изучаемый мной феномен «транскоммуникации» (В.И. Кабрин, 1992), как выводящий человека из самодостаточности для настоящего взаимопонимания с Другим через трансцендирование имеет непосредственное отношение к этому ноэтическому пониманию душевной жизни. Транскоммуникативный подход предполагает, что человек не только может общаться с людьми как с «иными» (другими по-настоящему), но и с разнопорядковыми сущностями – как с более простыми «братьями меньшими», так и с более сложными – группа, культура, нация, космос.

«Светлый взгляд», который не так давно открыл К. Уилбер у Г. Фехнера, образующийся пониманием тонкой духовной организации космоса (К. Уилбер, 2004), и, который мы, в силу своей невнимательности или узости сознания воспринимаем в качестве грубо материального конденсата (К. Ясперс, 1991), может быть развит и переведен в научную область с помощью *концепции транскоммуникации*. Важный аспект сообщаемости разнопорядковых миров акцентировал В. Франкл в рамках «*димензиональной онтологии*» в контексте его примера о том, что в трехмерном пространстве простой стакан может выглядеть и восприниматься в двухмерном как круг или прямоугольник (Франкл, 1990). Интересно, могли бы «виртуальные» двухмерные человечки, видящие его (стакан) в разных ракурсах как НЛО, догадаться или договориться, что это «одно и то же» (имеется в виду круг и прямоугольник). Когда мы сталкиваемся с более N-мерной реальностью, чем наш четырехмерный мир, в лучшем случае мы чувствуем символы или «знамения» присутствия чего-то важного, но непостижимого. К. Юнг пытался «объять» такие события с помощью понятий синхронистичности и трансцендентальной функции (К. Юнг, 1997).

Я предположил, что здесь мы сталкиваемся не просто с более сложными свойствами «тонкого мира», а с активным живым *процессом сообщаемости разнопорядковых миров, как процессом транскоммуникации*. Иначе, каким образом понять реальную холистичность мира?

Древние мудрецы чувствовали, что человек – это микрокосм т.е. подобие макрокосмоса. Строгим наукам пришлось об этом забыть. Феномен, или точнее сквозной космический фактор транскоммуникации позволяет понять, по крайней мере, на уровне микрокосма – как это происходит в человеке. Нередуктивный целостный взгляд на

человека предполагает понимание его как *духовно-душевно-телесного соответствия* (т. е. сообщаемости) в духе «холархии» (К. Уилбер, 2004). Это же связано с проблемой «собственно человеческого» в человеке, акцентированной гуманистическими и экзистенциальными психологами, возмущившимися доминированием «зоологизма» в традиционной психологии (психофизиология, бихевиоризм, психоанализ и пр.). Феноменология транскомуникации показывает, как тело может (!) соответствовать духу (т. е. общаться с ним). Во многих своих статьях я упоминал в этом контексте об уникальности человеческих слез и улыбки (В.И. Кабрин, 2000). В отличие от звериного оскала, человеческая улыбка связана не только с радостью, но и с юмором, восприятием переносного смысла метафоры, т. е. *трансмысла*. Человеческие слезы (физиологическая функция которых - очищение от инородного) воплощают духовное очищение (катарсис) и при чтении книг, и на спектаклях и в сложных человеческих отношениях. Смех и слезы часто образуют динамичное единство: способность смеяться до слез и способность перейти от слез к улыбке. Заторможенность таких способностей означает ослабление транскомуникации между телом и духом, что ведет к соматическим и психическим расстройствам. Здесь я лишь замечу, что К. Роджерс любил напоминать нам о великой мудрости человеческого тела, и предостерегал о возможной утрате контакта с ним (К. Роджерс, 1997). Но насколько оно искренне отзывчиво и хорошим и плохим образам, мыслям, чувствам! В этом - великий потенциал и великая опасность саморазрушения (специалисты по психосоматике привели бы нам тысячи примеров).

Чтобы на основе уже представленного выше контекста ввести главный принцип ноэтической транскомуникативной психологии необходимо обратить внимание еще на одну странную иллюзию, незаметно превращающуюся в постулат во многих работах, где говорится о душевной жизни, о сознании, как «внутреннем мире». Создается впечатление, что употребляющие такую метафору представители гуманитарных наук и прежде всего психологи не удосуживаются осмыслить ее противоречие. Собственно о каких «внутренностях» идет речь? Когда задается такой вопрос, и студенты, и специалисты почти инстинктивно автоматически указывают пальцем на голову, реже – на сердце. Когда спрашиваешь: «А может ли душевный мир уйти в пятки?» - только в таком юмористическом контексте начинает осознаваться парадоксальность данной метафоры.

Психофизиологический миф нескольких столетий, о том, что именно мозг рождает образы, мысли, чувства как печень выделяет желчь, постепенно превратившись в аксиому «материалистической психологии» так и не смог претерпеть не одну верификацию. Король оказался голым. «Внутри нас» ни в одном органе тела нет никаких образов, мыслей, чувств. Но душевная реальность существует. Не все, но большинство как

специалистов, так и простых людей в этом не сомневаются. Тогда как же существует эта реальность. Вот здесь мы и возвращаемся к ноэтическому лучу древней мудрости. Истина или что-то близкое к ней – всегда проста. Если мы понимаем, что бесполезно искать наш тонкий мир в наших внутренностях, то почему бы по древнему обычаю не попробовать наоборот? Не образы, эйдосы...внутри нас, а *мы внутри эйдосов*. Нужна порция скромности, что бы признать (после хронической мегаломании), что мы не самая совершенная реальность Вселенной; что вокруг нас незримые тонкие оболочки эйдетических сфер. Правда, то в каких образах мы будем пребывать, зависит от нашего состояния, «настроения души» и т. д. Синхронистичность тонких миров поддерживается симпатией, тропностью, резонансом. Древнейшая профессия актера - быть в образе. А я вспоминаю еще не очень забытую юмореску В. Винокура и Л. Оганезова (ноты ... рыба) с ключевой фразой: «Не мешайте мне! Я - в образе». Кстати, эту «тонкую мысль» постоянно пытаются донести дети взрослым, сопротивляясь их «правильности». Эйдетическая природа душевной жизни человека, так ярко заявляя себя в искусстве, сновидениях, аутогенной тренировке, медитации, воображении удивительно трудно ассимилируется академической психологией. Может быть, все дело в дисциплинированном отношении к «узаконенным» научным парадигмам?

Сейчас можно перейти к ключевому понятию, обозначенному в названии статьи – к *постметодологии*. С моей точки зрения, это понятие может характеризовать тот новый тип знания, которое было обозначено как трансперсональное, ноэтическое, трансцендентальное, явно ориентированное на преодоление традиционных форм редукционизма, считавшихся неизбежными для науки. В этом плане я предполагаю, что феномен транскомуникации, применительно к психологическому научному исследованию, можно обозначить как транскомуникативный подход в русле постметодологии. Стоит уточнить, что сама проблема постметодологии связана с поиском преодоления неизбежного редукционизма классических методологий, традиционно реализующихся в методах, призванных поддерживать иллюзию объективации. Возможно ли решить такую необычную задачу с помощью феномена и концепта транскомуникации?

Во-первых, вспомним простое забытое: физика оказалась в авангарде наук, научившись «мерить подобное подобным». И психологии пришлось искать изощренное решение такой задачи на основе теорий изоморфизма, чтобы придумать наукообразное *моделирование* психических процессов (Л.М. Веккер, 1998) . Конечно, лучше работать с тестами не просто как с процедурами или технологиями, но как с *моделями* «черного ящика» - души. Это кибернетическая версия.

Однако, столь опосредованный маневр «действия в обход» не снимает проблему *аутентичности* и *релевантности* получаемой информации. «Подобное – подобным!» - возвращается к нам сейчас уже как научный укор. Что может быть «подобным» измерителем души? Очевидно, душа другого человека или своя собственная. Как это возможно? Загадочная способность души понимать самую себя и душу другого – это для нас ценнейшая зацепка. Традиционно это давно формулировалось как «рефлексия» и «децентрация». До сих пор научное проникновение в эти процессы было слабым. Посмотрим на это сквозь призму транскомуникативного подхода. Общаясь, мы действительно выходим за пределы себя, т.е. *транскомуницируем*, но происходит это видимо эйдетически, ментально, ноэтически. При этом коммуникация и тем более транскомуникация - это общение душ. Только преодоление конвенциональных трафаретов, в которых закована традиционная коммуникация, приводит нас к более аутентичной экзистенциальной коммуникации (К. Ясперс, 1991) и далее - к *транскомуникации*, которая уже открыта «трансперсональной реальности».

В предыдущих работах мы описали иллюзорность конвенциональной коммуникации, порождающей у человека множество психологических проблем (В.И. Кабрин, 2000).

Здоровье и личностный рост фактически являются результатами транскомуникабельности тела – души – духа. Повторимся, что транскомуникация - это выход за любые трафареты, нормы, схемы, парадигмы. Выходит, чтобы избавиться от фатальной редукции, необходимо выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас спасительными процедурами и определенными схемами интерпретаций. Получается, что если я описываю свой уникальный опыт (импринтинг) *своим* вербально – невербальным языком другому или себе, я решаюсь на наименьшую редукцию. *В этом смысле транскомуникация дает нам непредвзятый уникальный опыт друг о друге и нечто уникальное третье – наше общее как результат взаимного преодоления барьеров.*

Таким образом, мы делаем первые шаги в постметодологию, где сталкиваемся с кардинальным вопросом – как сохранить для *интегральной психологии* (К. Уилбер, 2004) нередуктивный опыт, появляющийся в транскомуникации. Прежде всего, стоит избавиться от комплекса неполноценности относительно обязательности объективации. Понять или смириться с тем, что «субъективная реальность» может как-то «отражаться» только в «субъективной реальности». А это опять же возможно только в транскомуникативном процессе. Поскольку в отличие от обычной коммуникации, где укрепляются конвенции, нормы, стереотипы, транскомуникация явно тяготеет к *метафорам*, содержащим переносный смысл, т.е. по-сути *трансмысл*. Часто именно по метафорам и юмору в живом общении можно уловить моменты перехода в

транскоммуникативные состояния. Отсюда вытекает переосмысление известного факта, акцентированного в свое время Г. Олпортом, что художественная литература пока лучше описывает живую психологию живого человека, чем научная психология. Эстетика транскоммуникации, в частности психолога и клиента могла бы стать нередуктивным материалом психологических описаний. Что-то близкое можно наблюдать в свободных описаниях «психологических историй» и И. Ялома (И. Ялом, Д. Элкин, 2002, 2003, 2005)

При этом остается и обостряется проблема сохранения научности на постметодологическом уровне. Я вовсе не считаю, что постметодологическая перспектива желательна для других наук – в этом я сомневаюсь. Мысленное экспериментирование с постметодологическим прорывом появилось у меня «не от хорошей жизни». Конечно, соблазнительно с точки зрения простых критериев наукообразия свести душу к «психике», а последнюю к поведению; будучи первокурсником ЛГУ я был «уверенным бихевиористом». Сейчас я вспоминаю: а встречались ли мне «неуверенные бихевиористы»? - Не припомню. Тип методологии, избираемой ученым, и тип его личности определенно связаны. А я чем дальше, тем больше сомневался в релевантности признанных методологических подходов.

Что касается естественных наук, прогресс здесь очевиден. Например, если в конце 19го века мозг ассоциировался с телефонным коммутатором, в 20м - с компьютером, то в 21-м микробиологи допускают сравнение с микрокомпьютером *отдельного нейрона*. Тогда какое же «Интернет пространство» могут образовать миллиарды нейронов с триллионами их потенциальных связей? Таким образом, древняя метафора – человек как микрокосм подобен космосу, уже подтверждается физиологически. Но это только физиологический уровень. С точки зрения холистического ноэтического подхода – тело – это «конденсат» и «проводник» более тонких духовных N-мерных свойств универсума, которыми во многом потенциально обладает душа. Однако, человек, развивая свое *личностное измерение* и Я-концепцию, не часто осознает безграничность или свободу душевного процесса в отношении по сути основных физических ограничений, на которое неизбежно обречено его тело. Здесь обнаруживаются кардинальные различия между физической и психической энергиями, информацией, пространствами и временами.

Для получения опыта об этих особых психологических степенях свободы, мною был разработан специальный ноэтический практикум, основанный на трансных состояниях (В.И. Кабрин, 2005). Транс – это сквозное базисное корневое свойство души (об этом догадывался З.Фрейд, имея в виду первичное «океаническое чувство» младенца). Понятие транса не прописано даже хрестоматийно не только в отечественных словарях, но и в относительно свежей психологической энциклопедии (Психологическая

энциклопедия, 2002). В лучшем случае приводится слишком узкая его интерпретация в рамках практики гипноза. (Зато вместо универсального психологического феномена транса во всех психологических словарях присутствует важный «психологический» термин – транквилизатор). Поэтому радикальную психику ребенка (какая она у самого ребенка) мы до сих пор понимаем слишком по-взрослому, эгоцентрично и поверхностно.

Получается, что методологически ориентированная психология, с трудом проникая в базовые психические процессы (транс), испытывает серьезные затруднения и в результате избегает исследований и наиболее сложных свойств *духовной психологии просветленного человека*. Это я и рассматриваю как прямое следствие «методологизма», заимствованного психологией у слишком «иных» наук. Вот почему, например, поэтический практикум, в котором участники обнаруживают свойства души, совершенно не соответствующие принятому в науке детерминизму, я рассматриваю в качестве *постметодологической практики*. Ибо мне неизвестны другие науки (кроме психологии и теологии), где бы трансцендентальный фактор оказывался более значимым, чем другие. Поразительно, как этот факт чаще всего игнорируется даже современной психологией, кроме трансперсональной.

Постметодология, сохраняющая научность - это, так или иначе, достижение ясности. Иначе оккультизм. Этот критерий, по сути, объединяет все более конкретные требования верификаций классической, неклассической и постнеклассической науки. В постметодологии можно увидеть даже возвращение к зерну научности - подобное познавать подобным. В сфере психологии это реализуется в очень простом, вроде бы давно известном принципе симпатии, тропности, т.е. сознание релевантно познается сознанием; душа– душой; переживание – переживанием (эмпатия).

Основные транскомуникативные лучи, описанные в прежних моих работах, проявляются в «пиковых переживаниях» (А. Маслоу, 1997) - *катарсисе, импринтинге, экстазе, инсайте*. С другой стороны, лучи нисходящей (катарсис), импрессивной (импринтинг), экстенсивной (экстаз) и восходящей (инсайт) транскомуникации обнаруживают универсальное стратегическое значение для нередуктивного понимания душевной жизни в целом (между зачатием и смертью). На этом макроуровне им соответствуют *поэтические сезоны* душевной жизни.

Эта глобальная метафора подробно представлена в последних своих работах (В.И. Кабрин, 2002, 2005). Здесь я к ней возвращаюсь, чтобы сделать новый акцент в понимании именно человеческой психологии. Мы привыкли к фатальной модели жизни в связи с ботаникой, биологией, позитивистской психологией, социологией и акмеологией. Согласно им все живое зарождается, растет, расцветает, переживает апогей и с той или

иной скоростью увядает. В этом ряду, пожалуй, исключением является концепция Б.Г.Ананьева о двух контурах регулирования развития человека в онтогенезе – вертикальном и горизонтальном. Под вертикальным контуром регулирования имеется в виду система спинного мозга, управляющая иерархией простейших сенсомоторных функций. Горизонтальный или билатеральный контур регулирования развивается на основе формирования межполушарных связей коры головного мозга в связи с развитием высших психических функций. В рамках этой концепции оказывается, что в то время как низшие психические функции по вертикальному контуру регулирования регрессируют уже в достаточно молодом возрасте, высшие психические функции, развиваясь на основе межполушарного взаимодействия могут развиваться интенсивно довольно долго, все более компенсируя регресс по вертикальному контуру. Следовательно, в рамках этой концепции на психофизиологическом уровне сделана попытка понять общее психологическое развитие человека как постоянно возрастающее за счет вышеуказанных трансформаций соотношения разных контуров регулирования (Б.Г. Ананьев, 1969). Знаменательно, что Б.Г. Ананьев подтвердил эту гипотезу своей жизнью и смертью.

Но я стал интересоваться ноэтикой, нооологией, когда столкнулся с понятием *метанойя* в трансперсональной психологии (Д. Уайт, 1996). Оно исходит из далеких христианских традиций, где под метанойей понимали просветление, объединяющее озарение и покаяние, интуицию и совесть. Святоотеческий опыт, отраженный в текстах о добротолубии показывает возможность перехода такого пикового переживания момента в длительное состояние и даже в последний сезон жизни как подготовку к чему-то большему - жизни в духе. Еще Л. Толстой в «Холстомере» писал, что есть два вида старости – гадкая и величественная. Именно последний вид относится к сказанному выше и прямо говорит о том, что метанойя может быть не только результатом специальных практик, существующих во всех мировых религиях (не только в христианстве), но и *естественным* последним периодом земной жизни. Я имел счастливый период наблюдать это у своей бабушки, конечно, не задумываясь вовсе об этой проблеме. Сейчас мне ближе по сравнению со всеми вышеназванными науками об увядании, «гипотеза», сформулированная в «Тибетской книге мертвых» (в редакции К. Г. Юнга), а именно: чем сильнее, точнее, яснее выпущена «стрела духа» умирающего человека, тем значительнее его результат жизни в трансцендентальном смысле.

Путь к метанойе труден, поскольку лежит через *паранойю* (не в узком медицинском значении), полную опасностей, страхов и рисков, начиная с подросткового бунта, «потери головы» от любви, непонимания, одиночества вплоть до христианской «пустыни» или репрессивной социальной изоляции. Примечательно, что этот прорыв за

рамки правильного разума – *ортонойи* – несмотря на более чем двадцатилетний период директивной социализации (семья, детский сад, школа, армия, ВУЗ) происходит регулярно и естественно в сферу сомнений и понимания условностей и фальсифицированности большинства норм, правил, ценностей социокультурного устройства. Но это происходит у каждого слишком по-разному, потому что «ортонойяльное образование» начинается не с чистого листа. И речь здесь не просто о критической оппозиции генетической психологии ортодоксальному бихевиоризму во взглядах на ребенка. В ноэтической психологии сложнее – должна получить право на существование и осмысление гипотеза о том, что суть одаренности ребенка намного глубже и тоньше: каждый рождается в уникальной «колыбели духа». Ее мы называем в соответствии с принятой схемой – *протонойей*. Именно благодаря этой «протонойяльной колыбели» младенец имеет еще и важную автономию от прямого диктата наследственности. В этом смысле ранее я упоминал о том, что первичные эйдосы младенца защищают его от традиционной нормативности ортонойи взрослого. Если этот протонойяльный кокон взламывается взрослыми или обстоятельствами раньше времени, судьба растущего человека становится причудливой и плохо предсказуемой...

Вот такая *схема* (не модель, не структура и т.п.) сезонов жизни человека - протонойя – ортонойя – паранойя – метанойя, в отличие от традиционных моделей «взлета - падения» выглядит скорее как экспоненциальная функция духовного роста, который может набирать скорость вплоть до конца жизни человека. Эта схема уже внутри себя содержит ориентацию на нередуктивность духовного становления человека и в этом смысле может стать основой развития соответственно нередуктивных подходов постметодологического плана, в качестве одного из которых я рассмотрел транскомуникативный подход.

Заканчивая очерк о первых шагах в постметодологию душевной жизни, я не удивлюсь, если она будет воспринята как поиск черной кошки в темной комнате на пути к еще какой-то методологии.

Литература:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
2. Ассаджиоли Р. Психосинтез. Изложение принципов и руководство по технике. М.: Эксмо – Пресс, 2002.
3. Ван Каам А. Трансцендентная терапия // Журнал практического психолога. 1998. № 6, С. 3 -20.
4. Веккер Л.М. психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.

5. Вульф В, Ректор К. Холодинамика вашей жизни. М., 1995.
6. Гроф Ст. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Изд-во АСТ, 2002.
7. Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.,: Интрада, 1998.
8. Кабрин В.И. Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум образования человека ноэтического. Томск: Водолей, 1999.
9. Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во ТГУ, 1992.
10. Кабрин В.И. Ноэтическое измерение в психологии: новое и вечное // сибирский психологический журнал. 2000. Вып. № 12, с. 23 – 28.
11. Кабрин В.И. Транскомуникативная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс формация) // Вестник Томского университета. 2000., № 2, с. 34 – 41.
12. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни человека. М.: Смысл, 2005.
13. Кабрин в.и. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность – коммуникация – толерантность. Томск: Изд-во ТГУ, 2002.
14. Капра Ф. Уроки мудрости. Киев.: Изд-во София, 1994.
15. Кун Т. Структура научных революций. М.: Изд-во АСТ, 2003
16. Маслоу А. дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
17. Полани М. Личностное знание. М., 1985.
18. Психологическая энциклопедия. / Под редакцией Р. Корсина, А Ауэрбаха. М., 2003.
19. Пути за пределы эго. Трансперсональная перспектива. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996.
20. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. М.: Изд-во «Рефл-бук», «Ваклер», 1997.
21. Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996, с. 181 – 193.
22. Уилбер К. Интегральная психология. М., 2004
23. Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М.: Изд-во трансперсональной психологии, Изд-во К. Кравчука, 2004.

24. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
25. Юнг К.Г. Синхронистичность. М.: Рефл-бук, Ваклер 1997.
26. Ялом И., Элкин Дж. Хроники исцеления: Психотерапевтические истории» / пер с англ. С. Артемова. – М.: Изд-во Эксмо, 2005.
27. Ялом И. Лечение от любви. Психотерапевтические новеллы, М.: Изд-во Эксмо, 1994.
28. Ялом И. Мамочка и смысл жизни. Психотерапевтические истории / Пер. с англ. Е. Филиной. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2002.
29. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

The transcommunicative approach as postmethodology of modern noethicative psychology of life

Summary: The problem of prevarication of traditional approaches to the understanding of mental reality from the point of view of natural sciences is given in the work. Transcendental essence of mental reality, being its most significant factor requires another approach. The approach conditionally called postmethodological is suggested in this work. In the approach the phenomenon and the factor of transcommunication are considered as an opportunity of non-reductive understanding of soul. The scheme of noethical psychology is built on this basis.